

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*И.М. БУСЫГИНА***Региональное лидерство в международных отношениях и роль России в Евразии***

Возрастание роли региональных держав, играющих структурообразующую роль в макрорегионах мира, – следствие многополярности миропорядка. При этом в ряде случаев отношения между региональной державой и другими странами региона могут быть описаны как отношения лидерства. В этом случае государство-лидер принимает на себя роль ведущего, а государства-последователи добровольно и рационально признают эту роль. Довольно часто роль России на постсоветском пространстве по умолчанию воспринимается как роль лидера. В статье утверждается, что в настоящее время у России нет способов мотивировать меньшие страны к признанию ее лидерства. Более того, национальная повестка по достижению страной статуса “великой державы” входит в растущее противоречие с задачей формирования лидерских отношений. В то же время постсоветские государства – потенциальные последователи – не демонстрируют спроса на российское лидерство, хотя и признают ее гегемонию.

Ключевые слова: лидерство, лидер, последователи, Россия, Евразия.

DOI: 10.31857/S086904990005820-4

Современный мир меняется чрезвычайно быстро. Многие исследователи международных отношений (МО) констатируют кризис системы глобального управления и неолиберальной модели глобализации (см., например, [Acharya 2014; Acharya 2018; Allison 2018]). В то же время активно идет процесс формирования макрорегионов, которые становятся своего рода блоками в многополярной структуре мира. Так, в России, как пишет А. Кортунов, доминирующим нарративом эволюции миропорядка является нарратив о переходе мировой системы от биполярности (период “холодной войны”) к “однополярному моменту” (начало – середина 1990-х гг.) и далее к многополярному миру [Кортунов 2019, с. 4]. Одним из следствий многополярности становится возрастание роли отдельных государств (*regional powers*), которые играют структурообразующую роль в “своих” макрорегионах, иными словами – “делают порядок”. Делать порядок, однако, можно по-разному. Важным способом здесь является установление отношений лидерства между региональной державой и ее последователями в регионе. Например, утверждается, что “происходящее на наших глазах перераспределение мощи в контексте подъема Китая и относительного сокращения роли США в большой степени обуславливают формы регионального лидерства в различных регионах мира” [Ebert, Flemes 2018, p. 7]. Таким образом, происходящие трансформации,

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (№ 19-014-00030) “Модели лидерства в многополярном мире: сравнительный анализ стратегий России, Китая и Евросоюза в Евразийском регионе”.

в частности подъем новых государств, ставят перед исследователями ряд научных проблем, среди которых и вопрос о лидерстве в системе МО.

Возникает, однако, ощущение, что лидерство в МО иногда рассматривается несколько упрощенно, как будто этот процесс развивается почти автоматически – подъем новой державы неизбежно дает миру нового лидера. Это, очевидно, не так. Не все региональные державы становятся лидерами, не все претендуют на это и не все могут построить лидерские отношения по объективным причинам. Представляется, что феномен лидерства в МО гораздо сложнее и встречается гораздо реже, чем мы думаем. Роль лидера кажется весьма привлекательной, однако лидерскую позицию сложно занять и еще сложнее удерживать в условиях нарастающей конкуренции между державами-лидерами за потенциальных последователей (а без их признания отношения лидерства невозможны).

Ключевым для концептуализации лидерства является характер отношений между лидером и его последователями. Лидер принимает на себя роль ведущего (и вместе с ней большую ответственность), а последователи должны добровольно и рационально признать эту роль. Роль лидера основана на коммуникации и постоянной координации с последователями своей политики для достижения общей цели, то есть цели желаемой и возможной и для лидера, и для последователей.

Нередко приходится читать, что Россия “обречена” на лидерство на постсоветском пространстве, или же о том, что положение лидера для России легко достижимо. Есть и другой подход: объявить о необходимости достижения Россией “политико-идеологического” лидерства в Евразии (вероятно, при понимании того, что достигнуть экономического лидерства страна не в состоянии), без которого наша страна “лишает себя влиятельного фактора влияния и развития, превращаясь в ведомого в политике”, поскольку “в конкуренции цивилизации отказ от идеологического лидерства означает изначально признание себя проигравшим, готовым отказаться от национальной системы ценностей” [Подберезкин]. Иными словами, вопрос ставится жестко: или лидер, или зависимый “придаток”.

Между тем дело обстоит иначе. Россия *не* обречена на лидерство, более того, эта роль на постсоветском пространстве для нее сегодня практически недостижима. У России нет способов мотивировать меньшие страны признать ее лидерство. К тому же национальная повестка по достижению страной статуса “великой державы” входит в растущее противоречие с задачей формирования лидерских отношений. В то же время постсоветские государства – потенциальные последователи – не демонстрируют спроса на российское лидерство, хотя и признают ее гегемонию. Однако это отношения принципиально иного рода.

Региональное лидерство в международных отношениях: концептуализация

В общем виде в социальных науках лидерство определяется как способность влиять на людей, организации, институты, государства для достижения особых целей, служащих общественным и национальным интересам [Cerami 2011]. Лидерство, таким образом, имеет весьма позитивную коннотацию, и его основными признаками выступают способность влиять (*ability to influence*) в целях, ассоциируемых с развитием, прогрессом, процветанием. П. Нортхауз выделяет следующие основные признаки лидерства: а) динамический процесс, а не статичное состояние; б) влияние на людей и различные институты; в) формирование в групповом контексте; г) направленность на достижение определенной цели [Northouse 1997, p. 3]. Совокупность этих признаков позволила ему сформулировать определение лидерства как “процесса, посредством которого индивид влияет на группу индивидов для достижения общей цели” [Northouse 1997, p. 19]. Стоит добавить, что эффективное лидерство предполагает способность генерировать изменения и управлять ими [Manning, Curtis 2003, p. 2].

Отдельное направление анализа – изучение лидерства региональных держав в современном мире. Многие исследователи признают, что региональные державы часто берут

на себя ведущую, интегрирующую роль в своих регионах¹. Базируясь на определении Нортхауза, можно установить, что региональное лидерство МО – это форма силы (*power*)², реализуемая в процессе взаимодействия между государством-лидером и государствами-последователями в определенном регионе для достижения цели, разделяемой всеми участниками. Именно характер отношений между лидером и последователями – центральный в концептуализации лидерства. Принципиально важно отметить: указание на то, что какое-либо государство является лидером в регионе, определяет не его статус, но социальную *роль ведущего*, которую оно принимает на себя и которая признается последователями. Эта роль, по сути, всегда относительна и основана на коммуникации и постоянных взаимодействиях с последователями [Nabers 2011, p. 91]. В то же время идеи как интеллектуальный капитал, который возникает в процессе коммуникации, доступны всем участникам отношений – и лидеру, и последователям [Young 1991, p. 300].

Лидерство – это форма силы, имманентным признаком которой является *взаимность*, поэтому отношения лидерства по определению не могут быть адекватно объяснены, если сосредоточиться исключительно на лидере [Cooper, Higgett, Nossal 1991, p. 396]. Действительно, проекты регионального лидерства предусматривают материальные и нематериальные вознаграждения для последователей, призванные компенсировать им потери в силе [Schirm 2007]. С этой точки зрения цель региональной державы-лидера состоит в том, чтобы мотивировать меньшие страны (так называемые второстепенные державы (*secondary powers*)) признать ее лидерство. Эти государства-последователи³ играют ключевую роль в признании претензий на лидерство со стороны региональной державы [Flemes, Wojczewski 2010], без этого отношения лидерства невозможны. Отмечу (этот аспект будет играть важную роль в дальнейшем анализе), что манифестацией регионального лидерства может быть создание лидером системы регионального управления (интеграционных групп или коалиций), в этом случае лидерство реализуется в институционализированном контексте и опирается на предпринимательские навыки лидера по управлению политическими коалициями [Nabers 2010]. Т. Педерсен считает институционализацию типичным продуктом стратегии региональных держав [Pedersen 2002].

Очевидно, что влияние лидера на последователей реализуется по нескольким измерениям и может существенно варьировать. Согласно Д. Болдуину [Baldwin 2002, p. 178–179], ключевыми измерениями регионального лидерства являются: 1) объем (сила лидера может отличаться в разных сферах, например в сферах экономики, безопасности и т.п.); 2) охват (влияние может быть как региональным, так и глобальным); 3) вес (насколько сила лидера “надежна”, то есть способна противостоять силе других акторов); 4) издержки (какую цену лидер готов и в состоянии заплатить за признание своей роли другими акторами); 5) инструменты (символические, экономические, военные и дипломатические).

С. Дестради указывает на два способа начала формирования лидерских отношений: по инициативе лидера (сверху) и по инициативе последователей (снизу) [Destradi 2008, p. 21–22]. В первом случае стратегия крупного государства с амбициями лидера основана на его участии в процессе социализации с целью создания общих норм и ценностей и формирования “истинных” последователей. Формирование лидерских отношений во втором случае начинается с инициативы небольших государств, ощущающих потребность в лидере для достижения общих целей. В этом случае в фокус анализа помещаются именно последователи. Группа государств может быть слишком разнородной или просто

---

¹ “Региональная держава” – это государство, которое является доминирующим с точки зрения материальных силовых ресурсов по сравнению с его соседями [Destradi 2008, p. 6].

² Другими видами силы в МО выступают гегемония, доминирование, авторитет.

³ Б. Келлерман определяет последователей как подчиненных, которые обладают меньшей властью и влиянием, чем лидер, и обычно следуют его линии. Ее типология последователей по “уровню вовлеченности” включает “изолятов” (отстраненных и незаинтересованных), “сторонних наблюдателей” (сознательно предпочитающие наблюдение, а не вовлечение), “участников” (вовлеченных и поддерживающих лидеров), “активистов” (энергично и трудолюбиво взаимодействующих с лидером) и “несгибаемых” (полностью вовлеченных и лояльных лидеру) [Kellerman 2008].

слишком слабой для того, чтобы достичь коллективной цели, и потому она нуждается в лидере (как бы “выталкивает” его из себя), чтобы приступить к активным действиям. Добавлю, что в этом случае процесс начинается с координации, то есть формирования общей позиции по вопросам внешней политики. Лидером становится государство (впоследствии возможен переход лидерства к общему институту), способное обеспечить нужную координацию. В этой системе лидерство государства не является строго закрепленной социальной ролью, возможен ее переход от одного государства к другому (а также к институту), возможно и со-лидерство тандема государств, а также “разделенное лидерство”, когда разные лидеры формируют общую повестку на разных направлениях. Важно, что при обоих способах равновесие возникает при условии совпадения: лидер “выбирает” тех же последователей, которые “выбирают” именно его.

Какие инструменты используют лидеры для формирования и поддержания отношений с последователями? Как утверждает в [Ikenberry, Kupchan 1990, p. 285], существуют две основных группы инструментов. Первая связана с материальными стимулами, начиная от экономических санкций и военных операций до обещаний вознаграждения и различного рода предпочтений. Эти инструменты нацелены на изменение баланса издержек и выгод потенциальных последователей (сокращение первых и увеличение вторых) при изменении поведения последователей в отношении, желаемом лидером, и основаны на рациональных предпосылках. Вторая группа в инструментарии лидерства используется с целью изменения убеждений национальных элит стран-последователей. Здесь речь фактически идет о “мягкой силе” или символических (*ideational*) инструментах, которые основаны на рефлексивном, дискурсивном понимании силы, позволяющем осуществить сложную трансформацию интересов и идентичностей. А в [Ebert, Flesmes 2018, p. 15] отмечено, что проект символического лидерства нацелен на формирование общих норм и идей у государств региона.

Здесь я хотела бы сделать следующие замечания. Первая группа инструментов фактически направлена на то, чтобы “задавить” последователей с помощью различных способов принуждения. Однако такие отношения, скорее, напоминают отношения не лидерства, но доминирования или гегемонии. Вторая группа инструментов нацелена на работу с убеждениями и идентичностями. Это сложный, но главное – долгий процесс, где успех неочевиден и ненадежен. Я полагаю, что оптимальной стратегией эффективного лидерства будет создание у последователей рациональных (но не через принуждение) стимулов следовать за лидером. Иными словами, лидеру необходимо показать элитам стран-последователей, что следовать за ним выгоднее, чем не делать этого. Такие стимулы могут быть созданы через общие институты, сокращение для последователей издержек на реализацию общих проектов, наконец, через возможности фри-райдерства (к примеру, низкие расходы на безопасность). Как утверждает в [Nye 2008], наиболее эффективен синтез “жесткой” и “мягкой” силы – то, что он называется в этой книге “умной силой” (*smart power*). А способность найти лучшую комбинацию “жестких” и “мягких” инструментов в каждой ситуации – условие для эффективного “контекстуального лидерства”.

Для понимания лидерства необходимо отграничить его от отношений гегемонии. Надо отметить, что аналитически эти концепты весьма трудно разграничить, и исследователи часто употребляют их как синонимы. Как полагает Д. Наберс, лидерство неразрывно связано с гегемонией, что подразумевает способность потенциального лидера представлять свои видения мира как универсальные таким образом, чтобы они стали приемлемыми для последователей [Naber 2010]. Однако связь не означает тождества, и это принципиально важно. Согласно Д. Лейку, “гегемония обязательно принудительна и основана на применении силы; гегемон должен эффективно менять политику других государств для достижения своих собственных целей” [Lake 1993, p. 469]. Даже гегемон не может полностью полагаться на принуждение, в какой-то степени он *вынужден* принимать во внимание интересы более слабых для достижения своих целей [Hurrell 2004, xxix]. Однако именно в характере целей и коренится принципиальное различие между гегемонией и лидерством; гегемон стремится реализовать собственные эгоистические цели, представляя их

как общие для подчиненных государств, лидер же направляет – “ведет” – группу государств, чтобы реализовать или облегчить реализацию их *общих* целей [Destradi 2008, p. 19]. Подлинное лидерство направлено на производство *коллективного блага*.

В отличие от гегемона, для государства-лидера и национального лидера этого государства большое значение имеет репутация. Она играет важнейшую роль в оценке последователями добросовестности обязательств и обещаний лидера [Renshon, Dafoe, Huth 2018, p. 337]. Кроме того, важно, что система с лидером потенциально менее централизована, чем система с гегемоном, а формирование и поддержание отношений лидерства возможно с использованием меньших ресурсов по сравнению с системой с гегемоном за счет кооперации с последователями.

Россия в Евразии: предложение лидерства и его ограничения

Географически претензии России на региональное лидерство нацелены на государства постсоветского пространства. Это, безусловно, лидерство по первому типу, то есть инициированное “сверху” крупной региональной державой. В 2012 г. в своей инаугурационной речи В. Путин заявил, что “историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня именно от нас... от нашей настойчивости в обустройстве огромных российских пространств от Балтики до Тихого океана, от нашей способности стать *лидерами и центром притяжения всей Евразии*” (курсив мой. – И.Б.) (<http://kremlin.ru/events/president/news/15224>). В 2013 г. на заседании дискуссионного клуба “Валдай” он конкретизировал эту мысль: “Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии” (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/da-evraziysy-my-povorot-rossii-k-vostoku-za-natsionalnoy-identichnostyu/>). Таким образом, идея России как регионального лидера в Евразии заключается в том, чтобы стать в Евразии самостоятельным центром глобального масштаба.

Претензии России на региональное лидерство в Евразии кажутся вполне обоснованными. Россия – территориально протяженная страна-гигант, занимающая первое место в мире по площади и девятое по численности населения. Страны постсоветского пространства, окружающие Россию, несопоставимы с ней по этим двум показателям, следующая за Россией страна – Казахстан – занимает девятое место по площади территории и 74-е место по численности населения. Россия – правопреемница Советского Союза, постоянный член Совета Безопасности ООН. Как красочно объясняет это историк Ю. Жуков, “Кто, кроме России, мог бы на территории бывшего Советского Союза нас заменить? РСФСР – это была республика, вокруг которой СССР был построен... Когда СССР распался, она осталась самой крупной республикой с самым большим населением, с самой сильной экономикой, и, опять же, это была та республика, которая лежала в начале всего” (<https://russian.rt.com/ussr/article/344585-rossiya-pravopreemnitsa-sssr>). А А. Лукин пишет: “...прежде всего стремление стать независимым полюсом в мировой политике соответствует исторической роли России. Россия всегда была самостоятельным государством и никогда не подчинялась политическому диктату извне, даже когда считала себя частью Европы” [Лукин 2019].

Крайне важно и то, что претензии России на региональное лидерство питают и внутривнутриполитические факторы. Во-первых, внешняя политика играет огромную роль в проекте государственного строительства Путина. После украинского кризиса 2014 г. Россия сделала выбор в пользу явного ревизионизма во внешних отношениях, при этом ее подход был построен на идеях противостояния между Россией и Западом и заговора последнего против России [Busygina 2018, p. 49]. В то же время такой подход предусматривал объединение постсоветских государств вокруг России, то есть выстраивание россиецентричной коалиции. Во-вторых, сегодня внешняя политика (точнее – ее успехи)

играют ключевую роль для поддержания легитимности политического режима, в первую очередь, его главного актора.

Подтвердив претензии на региональное лидерство, далее необходимо понять, что может Россия предложить своим потенциальным последователям? По сути, это три элемента: идея неоевразийства как ценностная основа российского лидерства (“цивилизационный проект” в риторике Путина), новый евразийский мегапроект – партнерство Большой Евразии и региональная интеграция вокруг России, прежде всего в форме Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Неоевразийство ставит в фокус национальные культуры народов России и Евразии и подчеркивает важность общности их исторической судьбы. В международном плане неоевразийство выступает альтернативой евроцентризму и, в духе Л. Гумилева, обещает спасение России только как евразийской державы и при условии опоры на единственных настоящих союзников – народы Азии. Создано целое интеллектуальное направление, разрабатывающее концепцию “Большой Евразии”, в которой Россия призвана занять центральное, лидерское место [Лукин 2019]. С неоевразийством неразрывно связана идея большого Евразийского партнерства с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран ЕАЭС, СНГ и ряда других государств. Об этом Путин заявил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в 2016 г. Он призвал развивать кооперацию в рамках гибких интеграционных структур (<https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295>). Одна из инициатив – сотрудничество по сопряжению строительства ЕАЭС и китайского Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), о чем еще в мае 2015 г. было подписано Совместное заявление РФ и КНР (<http://eurasia.expert/sovместimy-evraziyskiy-soyuz-i-odin-poyas-odin-put/>).

Понятно, однако, что усиление кооперации и повышение степени связности экономических пространств само по себе никаких предпосылок для формирования отношений лидерства не создает. Кроме того, с точки зрения российских лидерских амбиций здесь возникают, как минимум, три проблемы. Во-первых, неоевразийство выступает, скорее, как внешнеполитический инструмент российских элит, нежели основа построения единой идентичности как предпосылки для лидерства. А. Малашенко отмечает: «В чем удобство неоевразийства для нынешних кремлевских политиков? В том, что оно четко вписывается в их идеологию. Во-первых, оно носит антивестернистский характер. А во-вторых, в нем содержится старая добрая идея о России как об оси истории, вокруг которой должны сплотиться руины бывшего СССР. Десяток лет тому назад с большой натяжкой, но все же можно было помечтать, что этот евразийский костяк составит Содружество Независимых Государств... Про “собрание империи”, пусть и именуемой СНГ, говорить неприлично – оно не может не вызывать раздражение даже у членов Евразийского союза. То, что совсем недавно было утопией, теперь выглядит геополитической глупостью и оскорблением евразийской идеи. Эта интерпретация неоевразийства евразийскую идею разрушает» [Малашенко 2018].

Во-вторых, невзирая на то, что, по мнению экспертов “Валдая”, “новая геоэкономическая, геополитическая, культурная и идеологическая общность — партнерство Большой Евразии” – создается *объективно* [Вперед к... 2018], этой общности еще не существует, и будущее ее по меньшей мере неясно. И в-третьих, в присутствии Китая (и вне зависимости от характера формальных отношений между двумя крупными державами – Китаем и Россией) перспективы российского лидерства представляются более чем сомнительными. Здесь в конкурентной борьбе за последователей Россия не имеет шансов на выигрыш. При этом, принимая во внимание характер политических режимов в обеих странах, нет оснований надеяться и на российско-китайское со-лидерство в Евразии.

По сути, единственной манифестацией российского лидерства является ЕАЭС как экономическая интеграционная платформа Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России, начавшая работу с 1 января 2015 г., когда вступил в силу договор о ЕАЭС, подписанный в мае 2014 г. Россия инициировала создание данной интеграционной группы, пытаясь реализовать лидерство в институционализированном контексте.

По выражению М. Молчанова, Россия была “неохотным лидером” всех региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Molchanov 2016], которые, правда,

имели весьма ограниченный успех. И ЕАЭС стал первой относительно успешной попыткой создания сильных многосторонних институтов постсоветской региональной интеграции. Эксперты видят этот успех прежде всего в большей степени наднациональности по сравнению со всеми предыдущими постсоветскими интеграционными проектами и в характере многосторонних институтов данного Союза, основанных на формальном признании равного статуса всех его членов [Dragneva, Wolczuk 2017, p. 6–7; Popescu 2014, p. 11; Vinokurov 2017]. Институциональный дизайн Союза описывается как результат ряда неожиданных уступок со стороны России в пользу других его членов, а причиной этих уступок стало то, что после украинского кризиса 2014 г. российскому руководству срочно понадобилась “история успеха” для отечественной аудитории в условиях растущей международной изоляции и стагнации экономики. Поступательный процесс двусторонних переговоров относительно новой интеграционной группы, которые лидер России вел с лидерами постсоветских государств, был прерван. Это дало возможность Казахстану и Беларуси – странам с самым длительным опытом участия в интеграционных проектах, ориентированных на Россию, – воспользоваться моментом ее слабости. Кремлю пришлось заплатить немалую цену за возможность объявить о быстром успехе Евразийского союза [Busygina 2019]. Таким образом, сама история создания ЕАЭС определенным образом подрывает идею российского лидерства в Союзе.

Предложение лидерства со стороны России сталкивается, однако, и с более серьезными ограничениями. Во-первых, Россия не в состоянии продемонстрировать своим потенциальным последователям привлекательную экономическую модель. Как пишет Лукин, “по показателям роста российской экономика существенно отстает как от среднемирового уровня, так и от экономик других претендентов на роль мировых центров – Индии и Китая, а также от многих постсоветских стран. Это не способствует росту притягательности России для ее соседей по региону” [Лукин 2019]. А во-вторых, проблема заключается в том, что российское руководство претендует одновременно на все – и на статус великой державы, и на роль регионального лидера. Между тем это принципиально разные вещи, требующие принципиально разных повесток. По сути, статус “великой державы” в понимании Москвы означает особые права (отличные от прав других государств) в проведении внешней политики и право на действия в соответствии с пониманием Россией ее международных обязательств. Статус “великой державы” с ревизионистской стратегией, а именно таково видение Москвы, не только не исключает, но подразумевает обильное использование инструментов экономического и политического принуждения в отношении государств постсоветского пространства. К примеру, Р. Хеллер описывает действия России в отношении Украины как попытку региональной державы усилить свое геополитическое превосходство над регионом и средство защиты своей традиционной сферы влияния [Heller 2018, p. 137]. Еще один способ действий России – создание очагов и зон нестабильности. Понятно, что лидерство предусматривает совсем другую стратегию – минимум принуждения при максимуме договоренностей и сотрудничества ради *общей* цели. Россия же, добиваясь статуса “великой державы”, выступает в роли не лидера, а гегемона, используя многочисленные каналы зависимости от нее соседей, прежде всего по линии безопасности и поставок энергоносителей. Иными словами, попытка достижения великодержавного статуса стоит России утраченных шансов на роль лидера.

Последователи на постсоветском пространстве: есть ли спрос на российское лидерство?

Отношения лидерства принципиально взаимны. Следовательно, важно не только предложение лидерства со стороны региональной державы, но и наличие (или отсутствие) спроса со стороны последователей. Готовы ли постсоветские государства признать лидерскую роль России в Евразии, невзирая на то, что ее претензии на лидерство, как я пыталась показать выше, мало чем подкреплены? Следуя риторике российского лидера, Россия ведет постсоветские государства к общей цели и коллективному благу – стать самостоятельным

центром глобального развития. М. Иманалиев пишет о Большой Евразии как о “полигоне формирования новой концепции лидерства”, в конструировании которой необходимо принять участие и тем странам, “которые по ряду объективных и субъективных причин претендовать на лидерство не могут” [Иманалиев 2018]. Верят ли потенциальные постсоветские последователи в российскую риторику и разделяют ли они эту цель?

Можно предположить, что признание лидерства России в Центральной Азии, Беларуси и Армении было обусловлено общей историей и наследием этих государств, существенным сходством политических и экономических проблем, с которыми они столкнулись, общей советской культурой и высокой степенью социальных взаимосвязей [Molchanov 2016]. Действительно, такое предположение резонно для первого постсоветского десятилетия, когда российское лидерство признавалось, скорее, по инерции. Однако с тех пор ситуация принципиально изменилась. Как пишет Молчанов, “новое поколение, рожденное и выросшее в постсоветские времена, больше не воспринимает Россию как естественного или обязательно привилегированного партнера. Бизнес научился торговать с дальним зарубежьем и установил отношения, которые больше не зависят от посредничества со стороны Москвы” [Molchanov 2016]. Кроме того, неприкосновенность национального суверенитета – безусловный приоритет для элит постсоветских государств.

Тем не менее до 2014 г. постсоветские страны были готовы признавать влияние Москвы взамен получения от нее экономических уступок и военной помощи. При этом Россия в основном следовала обязательствам уважать национальный суверенитет постсоветских государств. Фактически Москва начала строить россицентричное сообщество в Евразии, которое дало бы ей определенные экономические выгоды и (что еще более важно) улучшило бы ее позиции на переговорах с крупными континентальными соседями – ЕС на западе и Китаем на востоке [Trenin 2014]. Стратегию России до 2014 г. можно определить как “мягкое доминирование”, которое, конечно, принципиально отличается от лидерских отношений, но тем не менее, какие-то шансы на постепенное их выстраивание дает. Украинский кризис и его последствия свели эти шансы на нет. При обсуждении последствий кризиса подчеркивалось что это был “конец постсоветского пространства как виртуального сообщества” (https://globalaffairs.ru/redcol/Za-pyat-let-stalo-ponyatno-chto-Evromaidan-zavershil-evropeiskuyu-liberalnuyu-revoljuciyu-19951#disqus_thread).

По мнению Тренина, «украинский кризис 2014 года в течение нескольких месяцев покончил с двумя главными направлениями постсоветского курса Москвы — интеграцией в структуры Запада на приемлемых для РФ условиях (“план А”) и реинтеграцией стран бывшего Советского Союза в попытке *создать центр силы во главе с Россией* (“план В”)... Силовая реакция Москвы на события на Украине заставила двух ближайших партнеров РФ — Белоруссию и Казахстан — ускорить движение в сторону еще большего обособления от России. К этому времени все другие страны СНГ уже давно шли по этому пути» [Тренин 2019].

Как было упомянуто выше, репутация играет важнейшую роль в оценке последователями добросовестности обязательств и обещаний государства-лидера. Между тем события украинского кризиса преподали постсоветским нациям ясный урок: они не должны основывать свои расчеты на доверии к российскому руководству. Как заметил М. Минаков, “ни одна из постсоветских наций не может существовать так, как она существовала до войны на Донбассе. Все основные и второстепенные политические игроки в постсоветском регионе начали приспосабливаться к растущей нестабильности, которая возникла в результате политики России в отношении Украины и реакции других геополитических игроков на нее” [Minakov 2018, p. 262]. Следует добавить, что это был первый случай, когда административные границы в пределах бывшего СССР (межгосударственные границы в настоящее время) были изменены. Все это продемонстрировало, что Россия не ограничивает свой внешнеполитический выбор международными правилами и ранее принятыми обязательствами. Она не может взять на себя “заслуживающие доверия обязательства”.

необходимые для интеграционных проектов на постсоветском пространстве и, тем более, для построения отношений лидерства.

Элиты постсоветских государств демонстрируют формальную лояльность России. Однако координация внешнеполитических курсов государств отсутствовала задолго до 2014 г. Как утверждает Малашенко, уже непризнание Южной Осетии и Абхазии странами СНГ было косвенным свидетельством потери Россией лидерства на постсоветском пространстве (<https://sputnik-georgia.ru/opinion/20100805/213370292.html>). В свою очередь, украинский кризис резко усилил фрагментацию постсоветского пространства, привел к новым политическим разногласиям между Россией и другими государствами – членами ЕАЭС, что усилило их стимулы к проведению многовекторной внешней политики [Clingendael... 2016, p. 2]. С 2014 г. страны – члены ЕАЭС активно изучают и используют альтернативные российской ориентации стратегии развития отношений с внешними державами. Как отметил В. Самохвалов, “украинский кризис подтолкнул эти страны к дальнейшему поиску других рынков и производственных цепочек, даже за счет их сотрудничества с Россией. Это привело к углублению их отношений с ЕС (в 2017 г., казалось бы, полностью зависящая от России Армения подписала с ЕС соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве). С другой стороны, растущее присутствие Китая позволяет этим странам развивать альтернативные варианты торговли с другими азиатскими партнерами” [Samokhvalov 2016].

Однако наиболее ярким проявлением “неподслушания” стран – членов ЕАЭС в отношении России было то, что они открыто не поддерживали ее действия, направленные против Украины. В то время как в России временное руководство Украины в 2014 г. было объявлено нелегитимным, у А. Лукашенко и Н. Назарбаева сложились тесные отношения с президентом Украины П. Порошенко и его правительством. Их позиции также отличались от российских в отношении референдумов в Восточной Украине. В то время как в России эти референдумы считались законным выражением воли народа, белорусские и казахстанские официальные лица сделали заявления в поддержку территориальной целостности и суверенитета Украины [Vieira Guedes 2016]. Члены ЕАЭС отказались следовать политике Москвы и в отношении российских “контрсанкций” на импорт из стран Европейского союза.

Таким образом, отношения стран – членов ЕАЭС с Россией представляют собой сочетание формальных признаков лояльности по отношению к Москве и различных форм сопротивления росту российского влияния на политические и общественные процессы в этих государствах. Лидеры соседних государств имеют серьезные стимулы не оспаривать доминирование России открыто. Тому несколько различные причины у разных стран: например, экономическая зависимость (Беларусь), неблагоприятное геополитическое положение (Армения) и присутствие значительного русскоязычного меньшинства (Казахстан). Тем не менее лидеры постсоветских государств нашли способы успешно ограничивать попытки российского посягательства на их суверенитет. Не случайно все они настаивали на ограниченном характере интеграционного проекта в рамках ЕАЭС. В целом же можно утверждать, что постсоветские государства умело балансируют, избегая потенциальной гегемонии крупных держав, будь то Россия, Китай или США.

Немаловажно и то, что по крайней мере одно из постсоветских государств, помимо России, также претендует на региональное лидерство в Центральной Азии. Это Казахстан, который президент США Д. Трамп назвал не только надежным партнером, но и бесспорным лидером в регионе (https://kazakh-tv.kz/en/view/news_kazakhstan/page_192208_kazakhstan-as-leader-of-central-asia). Эксперты подчеркивают успехи уникальной стратегии “мягкой силы”, принятой этой страной для продвижения различных международных инициатив в регионе (см., например, [Kassen 2018]), а также эффективность многовекторной внешней политики как своего рода искусства [Contessi 2015; Hanks 2009].

Многовекторная внешняя политика – бесспорно, наиболее рациональный стратегический выбор не только Казахстана, но и других постсоветских государств. Цели же России

не являются общими, разделяемыми потенциальными последователями. Вынужденная демонстрация формальной лояльности не может скрыть того, что Россия воспринимается политическими элитами этих государств не как лидер, но как гегемон на постсоветском пространстве.

* * *

Региональное лидерство государств – важное, хотя все еще недостаточно разработанное направление в теории международных отношений. Понятно, что отношения лидерства чрезвычайно сложны и многогранны, что их достижение и поддержание требует соблюдения множества условий. Эквilibrium – лидер “выбирает” тех же последователей, которые “выбирают” именно этого лидера – возникает крайне редко. Между тем такие отношения могут существенно ускорить развитие всего региона.

Понятно также, что никакие призывы в духе “Россия должна” или “концепция евразийства должна”⁴ не в состоянии обеспечить лидерство России на постсоветском пространстве. Отсутствие доверия и добросовестных обязательств с большой долей вероятности будут определять отношения России с соседями и в будущем, а без этого к формированию подлинных отношений лидерства невозможно даже приступить. Таким образом, несмотря на то, что о лидерстве России в Евразии приходится слышать весьма часто, сегодня отсутствует как предложение лидерства со стороны России, так и спрос на российское лидерство со стороны постсоветских государств. Не потому, что Россия слаба, а потому что она выбрала принципиально иную стратегию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вперед к Великому океану – б: люди, история, идеология, образование (2018) М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба “Валдай”.

Дисэн Г. (2017) Россия, Китай и “баланс зависимости” в Большой Евразии // Россия в глобальной политике (<https://globalaffairs.ru/valday/Rossiia-Kitai-i-balans-zavisimosti-v-Bolshoi-Evrazii-18672>).

Иманалиев М. (2018) Малые государства и их интересы при строительстве Большой Евразии, 06.03 (<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/malye-gosudarstva-i-ih-interesy-pri-stroitelstve-Bolshoi-Evrazii/>).

Кортунов А. (2019) Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка, РСМД: Рабочая тетрадь. № 52.

Лукин А. (2019) Замысел о Большой Евразии // Независимая газета. 04 марта (http://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html).

Малашенко А. (2018) Евразийская идентичность: реальности и фантазии // Независимая газета. 05 июля (http://www.ng.ru/ideas/2018-07-05/5_7259_fantasy.html).

Подберезкин А. Идеологическое лидерство и экономический детерминизм в Евразийской политике России (<http://eurasian-defence.ru/?q=node/23521>).

Тренин Д. (2019) Контурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии. М.: Фонд Карнеги (<https://carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328>).

Acharya A. (2018) After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // *Ethics & International Affairs*. Vol. 32. No. 1. Pp. 271–285.

Acharya A. (2014) *The End of American World Order*. Cambridge: Polity.

Allison G. (2018) The Myth of the Liberal Order // *Foreign Affairs*. Vol. 97. No. 4. Pp. 124–133.

Baldwin D. (2002) Power and International Relations, in W. Carlsnaes, T. Risse, and B. Simmons (eds.) // *Handbook of International Relations*, London: Sage. Pp. 177–191.

Busygina I. (2018) *Russia-EU Relations and the Common Neighborhood*. London and New York: Routledge.

Busygina I. (2019) Russia in the Eurasian Economic Union: Lack of Trust in Russia Limits the Possible. PONARS Eurasia Policy Memo N571, February.

Cerami J. (2011) Leadership in International Affairs (<http://oxfordindex.oup.com/view/10.1093/obo/9780199743292-0059>).

⁴ Читаем, например, у Г. Дисэна о том, что Россия должна стать преемницей Монгольской империи, а “Новая геоэкономическая концепция евразийства должна быть нацелена на осуществление избирательной евразийской интеграции, чтобы сделать Россию главной движущей силой модернизации и глобализации” [Дисэн 2017].

- Clingendael Annual Report 2015 (2016) Netherlands Institute of International Relations, June.
- Contessi N. (2015) Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power // *Problems of Post-Communism*. Vol. 62. No. 5. Pp. 299–311.
- Cooper A.F., Higgett P.A., Nassel K.R. (1991) Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict // *Political Science Quarterly*. Vol. 106. No. 3. Pp. 391–410.
- Destradi S. (2008) *Empire, Hegemony, and Leadership: Developing a Research Framework for the Study of Regional Powers*, GIGA Working Papers, No. 79.
- Dragneva R., Wolczuk K. (2017) *Eurasian Economic Union Deals, Rules and the Exercise of Power*. Chatham House Research Paper.
- Ebert H., Flemes D. (2018) Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*. Vol. 3. Issue 1. Pp. 7–25.
- Flemes D., Wojczewski Th. (2010) *Contested Leadership in International Relations: Power Politics in South America, South Asia and Sub-Saharan Africa*, GIGA Working Papers, No. 121.
- Hanks R. (2009) Multi-vector politics' and Kazakhstan's emerging role as a geo-strategic player in Central Asia // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 11. No. 3. Pp. 257–267.
- Heller R. (2018) Defending Social Status – Why Russia's Ukraine Policy is About More than Regional Leadership // *Rising Powers Quarterly*. Vol. 3. Issue 1. Pp. 137–159.
- Hurrell A. (2004) *Hegemony and Regional Governance in the Americas*, Global Law Working Paper, No. 05.
- Ikenberry J., Kupchan C. (1990) *Socialization and Hegemonic Power* // *International Organization*, Summer. Pp. 283–315.
- Kassen M. (2018) Understanding foreign policy strategies of Kazakhstan: a case study of the landlocked and transcontinental country // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 3. No. 3–4. Pp. 314–343.
- Kellerman B. (2008) *Followership: How Followers Are Creating Change and Changing Leaders*. Boston: Harvard Business Press.
- Lake D. (1993) Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? // *International Studies Quarterly*. No. 37. Pp. 459–489.
- Manning G., Curtis K. (2003) *The Art of Leadership*. Boston: Mc Graw Hill.
- Minakov M. (2018) *Development and Dystopia. Studies in Post-Soviet Ukraine and Eastern Europe*. Stuttgart: Ibidem Press.
- Molchanov M. (2016) Russia's leadership of regional integration in Eurasia. // Kingah S., Quiliconi C. (Eds.). *Global and Regional Leadership of BRICS Countries*, New York: Springer, Pp. 113–133.
- Nabers D. (2011) Identity and role change in international politics // *Role Theory in International Relations*. Ed. by S. Harnisch, C. Frank and H. Maull. London; New York: Routledge. Pp.74–93.
- Nabers D. (2010) Power, leadership and hegemony in international politics: the case of East Asia // *Review of International Studies*. No. 36. Pp. 931–949.
- Northouse P. (1997) *Leadership: Theory and Practice*. Thousand Oaks, Calif., London, New Delhi: Sage.
- Nye J. (2008) *The Powers to Lead*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Pedersen Th. (2002) Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*. Vol. 28. No. 4. Pp. 677–96.
- Popescu N. (2014) Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely, Chaillot Papers. No. 132, September.
- Renshon J., Dafoe A., Huth P. (2018) Leader Influence and Reputation Formation in World Politics // *American Journal of Political Science*. Vol. 62. No. 2. Pp. 325–339.
- Samokhvalov V. (2016) The new Eurasia: post-Soviet space between Russia, Europe and China // *European Politics and Society*. Vol. 17 (sup.1). Pp. 82–96.
- Schirm S. (2007) *Die Rolle Brasiliens in der globalen Strukturpolitik*. DIE-Discussion, Paper No. 16. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik.
- Trenin D. (2014) *The Ukrainian crisis and the resumption of great-power rivalry*. Moscow: Carnegie Endowment, July.
- Vieira Guedes A. (2016) Eurasian integration: elite perspectives before and after the Ukraine crisis // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. No. 6. Pp. 566–580.
- Vinokurov E. (2017) Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results // *Russian Journal of Economics*. Vol. 3. Issue 1. Pp. 54–70.
- Young O. (1990) Political leadership and regime formation: on the development of institutions in international society // *International Organization*. No. 3. Pp. 281–308.

Regional Leadership in International Relations and the Role of Russia in Eurasia

I. BUSYGINA*

***Busygina Irina** – doctor of sciences (Politology), professor, Department of Political Science, National Research University “Higher School of Economics” in Saint Petersburg, Address: 123, Naberezhnaya kanala Griboedova, Saint Petersburg, 190068, Russian Federation. E-mail: moriel@mail.ru

Abstract

A consequence of the multipolarity of the world order is the increasing role of regional powers playing a structure-forming role in the macro-regions of the world, while in some cases the relations between a regional power and other countries of the region can be described as leadership relations. In this case, the leader state assumes the role of lead, and the follower states voluntarily and rationally recognize this role. Quite often, the role of Russia in the post-Soviet space is perceived by default as a leading one. In this article, I argue that at present Russia has no means to motivate smaller countries to recognize its leadership, moreover, the national agenda for achieving the status of a “great power” is in growing contradiction with the task of forming leadership relations. At the same time, the post-Soviet states – potential followers – do not demonstrate demand for the Russian leadership, although recognizing its hegemony.

Keywords: leadership, leader, followers, Russia, Eurasia.

REFERENCES

- Acharya A. (2018) After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics & International Affairs*, vol. 32, no. 1, pp. 271–285.
- Acharya A. (2014) *The End of American World Order*. Cambridge: Polity.
- Allison G. (2018) The Myth of the Liberal Order. *Foreign Affairs*, vol. 97, no. 4, pp.124–133.
- Baldwin D. (2002) Power and International Relations. W. Carlsnaes, T. Risse, and B. Simmons (eds.). *Handbook of International Relations*. London: Sage, pp. 177–191.
- Busygina I. (2018) *Russia-EU Relations and the Common Neighborhood*. London; New York: Routledge.
- Busygina I. (2019) *Russia in the Eurasian Economic Union: Lack of Trust in Russia Limits the Possible*. PONARS Eurasia Policy Memo N571, February.
- Cerami J. (2011) *Leadership in International Affairs* (<http://oxfordindex.oup.com/view/10.1093/obo/9780199743292-0059>).
- Contessi N. (2015) Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power. *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no. 5, pp. 299–311.
- Clingendael Annual Report 2015 (2016)* Netherlands Institute of International Relations, June.
- Cooper A., Higgett P.A., Nassel K.R. (1991) Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict. *Political Science Quarterly*, vol. 106, no. 3, pp. 391–410.
- Destradi S. (2008) *Empire, Hegemony, and Leadership: Developing a Research Framework for the Study of Regional Powers*. GIGA Working Papers, no. 79.
- Disen G. (2017) Rossiya, Kitai i “balans zavisimosti” v Bol’shoi Evrazii [Russia, China and the “balance of dependence” in Greater Eurasia]. *Rossiya v global’noi politike* (<https://globalaffairs.ru/valday/Rossiya-Kitai-i-balans-zavisimosti-v-Bolshoi-Evrazii-18672>).
- Dragneva R., Wolczuk K. (2017) *Eurasian Economic Union Deals, Rules and the Exercise of Power*. Chatham House Research Paper.
- Ebert H., Flemes D. (2018) Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder. *Rising Powers Quarterly*, vol. 3, issue 1, pp. 7–25.
- Flemes D., Wojczewski Th. (2010) *Contested Leadership in International Relations: Power Politics in South America, South Asia and Sub-Saharan Africa*. GIGA Working Papers, no. 121.
- Hanks R. (2009) Multi-vector politics’ and Kazakhstan’s emerging role as a geo-strategic player in Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 257–267.
- Heller R. (2018) Defending Social Status – Why Russia’s Ukraine Policy is About More than Regional Leadership. *Rising Powers Quarterly*, vol. 3, issue 1, pp. 137–159.
- Hurrell A. (2004) *Hegemony and Regional Governance in the Americas*. Global Law Working Paper no. 05.

Ikenberry J., Kupchan C. (1990) Socialization and Hegemonic Power. *International Organization*, Summer, pp. 283–315.

Imanaliev M. (2018) *Malye gosudarstva i ikh interesy pri stroitel'stve Bol'shoi Evrazii* [Small states and their interests in the construction of Greater Eurasia], 06.03 (<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/malye-gosudarstva-evraziya/>).

Kassen M. (2018) Understanding foreign policy strategies of Kazakhstan: a case study of the landlocked and transcontinental country. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 3, no. 3–4, pp. 314–343.

Kellerman B. (2008) *Followership: How Followers Are Creating Change and Changing Leaders*. Boston: Harvard Business Press.

Kortunov A. (2019) *Mezhdru polittsentrizmom i bipolyarnost'yu: o rossiiskikh narrativakh evolyutsii miroporyadka* [Between polycentrism and bipolarity: on Russian narratives of the evolution of the world order], RIAC, Working Paper no. 52.

Lake D. (1993) Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? *International Studies Quarterly*, no. 37, pp. 459–489.

Lukin A. (2019) Zamysel o Bol'shoi Evrazii [The idea of Greater Eurasia]. *Nezavisimaya gazeta*, 04.03 (http://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html).

Manning G., Curtis K. (2003) *The Art of Leadership*. Boston: Mc Graw Hill.

Malashenko A. (2018) Evraziiskaya identichnost': real'nosti i fantazii [Eurasian Identity: Realities and Fantasies]. *Nezavisimaya gazeta*, 05.07 (http://www.ng.ru/ideas/2018-07-05/5_7259_fantasy.html).

Minakov M. (2018) *Development and Dystopia. Studies in Post-Soviet Ukraine and Eastern Europe*. Stuttgart: Ibidem Press.

Molchanov M. (2016) Russia's leadership of regional integration in Eurasia. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries*, S Kingah, C. Quiliconi (Eds.). New York: Springer, pp. 113–133.

Nabers D. (2011) Identity and role change in international politics. *Role Theory in International Relations*. Ed. by S. Harnisch, C. Frank, H. Maull. London; New York: Routledge, pp.74–93.

Nabers D. (2010) Power, leadership and hegemony in international politics: the case of East Asia, *Review of International Studies*, no. 36, pp. 931–949.

Northouse P. (1997) *Leadership: Theory and Practice*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage.

Nye J. (2008) *The Powers to Lead*, Oxford: Oxford Univ. Press.

Pedersen Th. (2002) Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration. *Review of International Studies*, vol. 28, no. 4, pp. 677–696.

Podberezkin A. *Ideologicheskoe liderstvo i ekonomicheskiiy determinizm v Evraziiskoi politike Rossii* [Ideological leadership and economic determinism in the Eurasian policy of Russia] (<http://eurasian-defence.ru/?q=node/23521>).

Popescu N. (2014) *Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely*. Chaillot Papers no. 132, September.

Renshon J., Dafoe A., Huth P. Leader Influence and Reputation Formation in World Politics, *American Journal of Political Science*, vol. 62, no. 2, pp. 325–339.

Samokhvalov V. (2016) The new Eurasia: post-Soviet space between Russia, Europe and China. *European Politics and Society*, vol. 17 (sup.), pp. 82–96.

Schirm S. (2007) *Die Rolle Brasiliens in der globalen Strukturpolitik. DIE-Discussion*. Paper no. 16. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik.

Trenin D. (2019) *Konturnaya karta rossiiskoy geopolitiki: vozmozhnaya strategiya Moskvyy v Bol'shoi Evrazii* [Outline map of Russian geopolitics: a possible strategy for Moscow in Greater Eurasia]. Moscow: Carnegie (<https://carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328>).

Trenin D. (2014) *The Ukrainian crisis and the resumption of great-power rivalry*. Moscow: Carnegie Endowment Moscow, July.

Vieira Guedes A. (2016) Eurasian integration: elite perspectives before and after the Ukraine crisis, *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 6, pp. 566–580.

Vinokurov E. (2017) Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results, *Russian Journal of Economics*, vol. 3, issue 1, pp. 54–70.

Vpered k Velikomu okeanu – 6: lyudi, istoriya, ideologiya, obrazovanie. (2018) [Forward to the Great Ocean – 6: people, history, ideology, education]. Moscow: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai”.

Young O. (1990) Political leadership and regime formation: on the development of institutions in international society. *International Organization*, no. 3, pp. 281–308.